

Глава 1

Люсьен Балфур, шестой граф Килкерн, стоял у мраморной колонны особняка и следил за тем, как над головой сгущаются грозовые тучи.

— У меня покалывает пальцы, — сказал он сам себе, попыхивая сигарой. — Это недобрый знак! Грядет буря.

Граф имел в виду вовсе не грозу, готовую разразиться над западной частью Лондона, а стихийное бедствие совсем иного рода: своих кузину и тетку, которых про себя называл не иначе как «нечистая сила».

Двери у него за спиной отворились.

— Что, Уимбл? — не оборачиваясь, спросил Люсьен.

— Мне было приказано уведомить вас, когда пробьет три часа пополудни, — ответил дворецкий невыразимо нудным голосом. — Пробило, милорд!

Люсьен глубоко затянулся сигарой. Посвежевший ветер подхватил ароматный дымок и унес прочь. Над крышами Мейфэра прокатился первый гром.

— Благодарю, Уимбл. Проследите, чтобы окна в кабинете были закрыты и заложены на задвижку. И пусть подадут мистеру Маллинсу виски: ему лучше заранее подкрепить силы.

— Будет исполнено, милорд.

4 Крупные капли дождя уже пятнали гранитные ступени у ног графа, когда с Гросвенор-стрит послышался грохот колес. Он сделал последнюю затяжку, погасил сигару об основание колонны и с проклятием отбросил окурок. Все как положено — демоны являются под раскаты грома и блеск молний!

Двери снова открылись, и появился Уимбл во главе дюжины ливрейных лакеев. В это же время у подножия лестницы остановился экипаж, поражающий своим мрачным великолепием. Другой, попроще, подъехал следом.

Дворецкий немедленно повел свои войска в наступление, а освободившееся место занял мистер Маллинс, нотариус.

— Милорд, осмелюсь напомнить вам о фамильном долге...

— То есть о том, что двоим умникам пришло в голову составить бумагу и что мне теперь предстоит расхлебывать последствия? Увольте, не напоминайте мне о том, в какую ловушку я загнан!

— Однако, милорд... — начал сухошавый человек, но подавился словами при виде первой из прибывших, только что ступившей под морозящий дождик. — Господь всемогущий!

— Господь тут ни при чем, — едко заметил Люсьен.

Фиона Делакруа жестом потребовала подать ей трость. Вряд ли она вообще заметила изморось из-под своей чудовищной шляпы — только ушат воды, вылитый на это сооружение, мог бы иметь какой-то эффект.

— Люсьен! — вскричала она и, подобрав необъятные юбки, зашагала навстречу. — Тебе давно уже следовало послать за нами. Я думала, нам придется все лето провести в тоскливом уединении.

С крыши и задника кареты начал поступать бесчисленный багаж. Граф со страхом подумал, что дюжины лакеев будет маловато, чтобы перенести всю эту гору сундуков, и пожалел, что сразу не приказал отвести для них отдельное помещение.

Он взял теткину руку и склонился над перчаткой в подобии галантного поцелуя.

— Надеюсь, дорога из Дорсетшира не утомила вас, тетушка?

— Безмерно! Мои нервы совершенно издерганы! Уж не знаю, как бы я вынесла трудности пути, если бы не дорогая доченька. — Она повернула шляпу-бриг к карете. — Роза, выходи! Твой кузен мечтает возобновить знакомство!

— Мама, я останусь здесь, — донеслось из недр экипажа, словно из глубокого колодца.

— Нет, не останешься, дорогая. Твой кузен ждет.

— Я не выйду под дождь!

— Это еще не дождь, — возразила Фиона, однако улыбка ее несколько померкла.

— Но мой туалет!

Хотя граф с утра готовил себя буквально ко всему, в этот момент он приуныл. Никакой долг на свете не заставит его подхватить простуду!

— Ну же, Роза! — не унималась тетка.

— Ладно, хорошо...

Из кареты на свет божий явилось существо, которое Люсьен некогда окрестил исчадием ада. Помнится, Роза Делакура билась на полу в истерике, когда ей по первому требованию не купили пони. Теперь она была разряжена в розовый шелк и кружева примерно так же, как и ее мамаша.

Когда Роза присела в реверансе, белокурые кудряшки нелепо подпрыгнули.

6 — Милорд, — проворковала она, трепеща ресницами.

— Кузина, — откликнулся Люсьен, содрогаясь при мысли, что кто-то может найти эту ангельскую внешность привлекательной. Впрочем, Роза больше напоминала тропическую птицу, чем ангела. — Вы обе так... красочно выглядите! Прошу в дом.

— Шелк и тафта, по двенадцать фунтов за метр, — объяснила Фиона, заботливо взбивая немного опавший рукав дочери. — Прямо из Парижа.

— А фламинго прямо из Африки? — не удержался Люсьен, глянув на розовые перья у корсажа кузины.

Для его острого языка замечание было весьма мягким, и все же голубые глаза Розы наполнились слезами. Надо же, раздраженно подумал он, а говорят, время меняет людей!

— Этот человек не одобрил мой туалет, мама! — Нижняя губа Розы жалобно задрожала. — Почему? Мисс Брукхоллоу уверяла — это как раз то, что нужно!

— Кто такая мисс Брукхоллоу? — спросил Люсьен, проклиная все на свете.

— Моя компаньонка и гувернантка Розы. Мы ее приняли по рекомендательному письму.

— И кто дал ей рекомендацию? Владелец ярмарочного балагана? Чтоб мне пропасть! — пробормотал Люсьен. — Уимбл! Пусть багаж внесут и разместят. — Он повернулся к тетке. — Скажите, все ваши туалеты в таком нелепом стиле?

— Я не потерплю, чтобы нас оскорбляли уже в первые пять минут под крышей этого дома! Дорогой Оскар, должно быть, перевернулся в гробу!

— В гробу не переворачиваются, — мрачно возразил граф. — К тому же ваш дорогой Оскар сам пожелал, чтобы вы разместились под этой крышей. Этот заговор...

— Заговор? — ледяным тоном повторила тетушка Фиона. — Ты хочешь нарушить фамильный долг? 7

— Если бы. В этом случае вас бы здесь не было. — Люсьен начал подниматься по лестнице, предоставив гостям следовать за ним или оставаться под дождем. — И учтите, я готов исполнять свой долг лишь до той поры, пока ваша дочь не найдет себе мужа. Тогда я немедленно переложу этот долг на другие плечи.

Роза зарыдала в голос.

— Племянник, как тебе не стыдно!

— Давайте проясним еще одну деталь, — неумолимо продолжал Люсьен. — Эта мисс Брукхоллоу учила вашу дочь и манерам?

— Разумеется, да!

— Отлично. Мистер Маллинс!

— Я здесь, милорд! — Нотариус поспешно появился из-за колонны.

— Полагаю, мисс Брукхоллоу прячется во второй карете. Дайте ей двадцать фунтов и объясните, как пройти в ближайший балаган. Я хочу, чтобы завтра вы поместили в «Таймс» объявление: требуется компаньонка и гувернантка, искусная в музыке, французском, латыни, а главное, в этикете.

— Как вы смеете, граф Килкерн! — прошипела Фиона.

— И никаких имен! Не хватало еще, чтобы общество прослышало о кузине с манерами молочницы и внешностью пуделя! Ни один мужчина в здравом уме и твердой памяти не захочет связать свою жизнь с подобным созданием.

— Я немедленно займусь этим, милорд, — с поклоном ответил нотариус.

Не обращая внимания на вопли приехавших дам, Люсьен вернулся в дом. Все шло наперекосяк. Голов-

8   ная боль, с которой он проснулся в это зло-
счастное утро, заметно усилилась, и он начал
мечтать о забвении за стаканом виски.

На лестнице он приостановился, скользнул взглядом по шеренге фамильных портретов и остановился на двух, висевших рядом и украшенных черными траурными бантами. Один изображал Оскара Делакруа, которого Люсьен едва знал и еще менее того любил. Второй, его кузен Джеймс Балфур, скончался чуть более года назад, так что траурный бант был уже ни к чему. Однако Люсьен не торопился убирать его — бант как бы символизировал выпавшие на его долю испытания.

— Проклятие! — буркнул он устало.

Джеймс был прямым наследником, и поместье должно было достаться ему, однако этому помешала пресловутая жажда власти, которой был в избытке наделен Наполеон Бонапарт, и развязанная им война, так что теперь Балфур мог перейти к отпрыску не-лепого создания в перьях и рюшах, рыдавшего сейчас на ступенях, — и земли, и состояние, и титул. Нельзя было этого допустить. Получалось, что высокая смертность среди родственников поставила Люсьена перед задачей, которая нисколько ему не улыбалась: самому обеспечить наследника, а значит — о Боже! — жениться! Но прежде ему предстояло поскорее решить проблему со светским образованием Розы.

Александра Беатриса Галлант сошла с подножки наемного экипажа и оправила ротонду. Платье на ней было самое скромное из тех, что имелись в гардеробе, — синее для утренних визитов с высоким и жестким воротом, царапавшим шею. Однако неудобство одежды окупалось нужным впечатлением — за последние пять лет Александра побывала на столь

многих интервью с нанимателями, что на всю жизнь усвоила одно важное правило: чем консервативнее манеры и внешность гувернантки, тем скорее та получит место. А в данный момент место было ей отчаянно необходимо.

Когда белый скайтерьер Шекспир, неизменный спутник и любимец Александры, спрыгнул на землю вслед за ней, кебмен хлестнул лошадь и повернул назад по Гросвенор-стрит.

— Так вот ты какой, Мейфэр, — вполголоса произнесла девушка, скользя взглядом по фасадам солидных особняков.

В прошлом ей приходилось служить в домах дворян и даже мелкой знати, однако до такого размаха там было далеко. Раззолоченный и пышный, квартал Мейфэр служил прибежищем самых высокородных, самых состоятельных людей Англии и больше отличался от грязного скученного Лондона, чем небо отличается от земли. Из окна кеба Александра приметил в Гайд-парке немало ухоженных дорожек и была не прочь побродить по ним в обществе своего терьера. Предложенное место имело множество выгод помимо жалованья — если, конечно, леди и ее мать не вели жизнь затворниц.

Александра достала из кармана газетную вырезку с объявлением, уточнила адрес и потянула поводок со словами: «Вперед, Шекс!» Предстоящее интервью было вторым за день и девятым за неделю. Кроме этого, оставался только Чипсайд. Если и там не повезет, думала девушка, придется потратить остаток денег на поиски работы дальше к северу. Возможно, в Йоркшире о ней еще не слышали. Впрочем, вряд ли. Такое ощущение, что вся Англия в курсе ее биографии... или хотя бы те, кто ищет компаньонку и гу-

10   вернантку для подрастающей дочери. В лучшем случае ее ожидает вежливый отказ.

Обнаружив номер двадцать пять, Александра внимательно оглядела величественное здание, к которому вела короткая дуга подъездной аллеи. Казалось, особняк надменно смотрит на Гросвенор-стрит целой полусотней окон. С восточной стороны виднелся простой, но элегантный цветник.

На первый взгляд этот дом ничем не выделялся в ряду себе подобных. Тем лучше.

Собравшись с духом, девушка обошла дом и поднялась на три ступени к двери для прислуги. Та отворилась прежде, чем она успела постучать.

— Полагаю, вы пришли по объявлению? — спросил немолодой человек в роскошной, черной с золотом ливрее и с манерами хорошо вышколенного дворецкого. — В таком случае прошу за мной.

Не удостоив Шекспира взглядом, он проследовал через необъятную кухню, два смежных холла и наконец ввел Александру в просторный кабинет под лестницей. Самый беглый осмотр обнаружил на стенах полотна Лоренса и Гейнсборо, на полках восточные статуэтки черного дерева и местами чудесную роспись позолотой. Все это, по мнению Александры, было далеким от обычных женских вкусов и не вязалось с интерьером дома, где обитают дамы.

— Извольте подождать здесь.

Девушка рассеянно кивнула. Пока Шекспир что-то вынюхивал за массивным столом, она прошла к огню согреть руки. На каминной полке стояла, словно на страже, фигурка трубящего слона, и она не удержалась от искушения коснуться гладко отполированного дерева.

Шаги на лестнице заставили ее броситься к стулу для посетителей. Дверь открылась через секунду

после того, как она уселась, едва дав ей время нацепить маску почтительной вежливости. Однако, увидев нанимателя, Александра забыла отрепетированную речь. 11

Глаза у него, пожалуй, были серые, взгляд пристальный, а изгиб бровей говорил о склонности к едкой иронии. Он был высок, отлично сложен и более всего напоминал французского аристократа умением сочетать в себе надменность и чувственность.

Несколько долгих минут он молча ее рассматривал, потом заговорил. Голос его был хорошо поставленным, но намеренно ленивым и чуть протяжным.

— Вы хотите получить место гувернантки и компаньонки, не так ли?

— Я... — Александра запнулась, ощутив этот голос, как прикосновение. — Да, милорд.

— Оно ваше.

Глава 2

Зеленые, как морская волна, глаза удивленно расширились.

— Мое?

Люсьен прикрыл за собой дверь. Боже, как она хороша!

— Ну да, ваше. Я нанимаю вас. Когда сможете начать?

— Простите, вы не видели рекомендаций, не знаете, подхожу ли я для этой работы! Вы даже не спросили мое имя!

Он чуть было не высказался в том духе, что находит ее достаточно обольстительной для роли гувернантки, но вовремя сдержался. Судя по одежде и манерам, такое начало вполне могло обратить ее в бегство. Краем глаза Люсьен уловил движение под

12 столом, нагнулся и увидел маленького белого терьера, который упоенно что-то нюхал.

— Ваш?

Она дернула за поводок. Собака тотчас заняла место у ее ног.

— Мой. Он очень хорошо воспитан.

— Можете не утруждаться извинениями, — сказал Люсьен, усевшись за стол. — Место ваше. Назовите имя.

— Галлант. Александра Беатриса Галлант.

— Имя говорит само за себя.

Мисс Галлант вспыхнула — чудесное зрелище, если учесть матовую белизну ее кожи, — и опустила взгляд на сумочку.

— Вот, — сказала она, вынув какие-то бумаги. — Мои рекомендации.

— Что ж, если вы настаиваете...

Он взял бумаги и не глядя отложил в сторону, предпочитая упиваться видом высокой и статной, как римская богиня, красавицы.

— В самом деле, я настаиваю, милорд. Полагается требовать рекомендации. Изучите их!

— Я с большим удовольствием изучу вас.

— То есть... в каком смысле? — Краска на ее щеках стала заметнее.

Похоже, эта женщина не только ничего о нем не знала, но и была на редкость неискушенной.

— Все очень просто, мисс Галлант. Рекомендации всегда безупречны, иначе их не предлагают. Следовательно, от них никакого толку. — Люсьен принял непринужденную позу и улыбнулся, надеясь, что улыбка не покажется ей слишком искусственной. — Я предпочитаю узнавать все из первых рук. Расскажите о себе.

— Как вам будет угодно. — Она оправила подол на коленях неосознанно женственным движением

и приготовилась отчеканить заранее заготовленную тираду. — Я предпочитаю иметь дело с юными леди...

— А я — с более зрелыми.

— Простите?

— Сколько вам лет, мисс Галлант?

— Двадцать четыре. — В ее взгляде проскользнуло недоверие.

Люсьен дал ей только двадцать — должно быть, потому, что кожа Александры Галлант все еще сохраняла девическую свежесть.

— Итак, продолжайте.

— В объявлении говорилось о девушке семнадцати лет. Это ваша сестра?

— Боже упаси! — Досада заставила его ненадолго забыть о вожделинии. — Я прихожусь этому исчадию ада кузеном.

Судя по ее молчанию, мисс Галлант ожидала разъяснений. Люсьен решил, что не станет ей в этом потворствовать — довольно и того, что она настояла на глупом, никому не нужном интервью. Если хочет что-то узнать, пусть спросит прямо!

— Не могли бы вы хоть отчасти коснуться деталей, милорд? — наконец сказала она. — И если нетрудно, назвать свое имя — в объявлении оно не было указано.

Люсьен сделал медленный, осторожный вдох. Что ж, рано или поздно она узнает. До сих пор мисс Галлант не казалась ему пугливой особой, и вот наступил момент выяснить это наверняка.

— Люсьен Балфур, граф Килкерн.

— Граф Килкерн? — переспросила она, бледнея.

Некий примитивный инстинкт чуть было не заставил его броситься к двери, чтобы загородить ей путь к бегству.

14 — Полагаю, вы уже слышали обо мне? — спросил он сухо.

Мисс Галлант ближе притянула к себе терьера.

— Слыхала, милорд, как же... — Она взяла со стола бумаги и поднялась. — Я поняла ваше объявление буквально. Это была ошибка. Прошу извинить, что злоупотребила вашим временем.

— Вы думаете, я ищу своих любовниц по объявлению? — спросил Люсьен, не сводя взгляда с ее напряженной спины. — Ваше благородное негодование тянет всего-навсего на пару очков... ну, в крайнем случае на три очка.

Мисс Галлант остановилась у двери и после короткого колебания обернулась.

— Что вы хотите этим сказать?

— Раздавай я призы, главный достался бы не вам, а одной толстушке, что приходила по объявлению два дня назад. Узнав мое имя, она лишилась чувств, а поскольку вес у нее был немалый, два крепких лакея едва выволокли несчастную на свежий воздух. — Люсьен откинулся назад и вытянул ноги, уже зная, что завладел ее вниманием. — В этом доме действительно требуется гувернантка для молодой леди и компаньонка для ее матери. Учтите, я человек щедрый, однако, если вам больше по душе обморок, сделайте одолжение.

— Я никогда еще не лишалась чувств и уж тем более не позволю себе этого в вашем обществе! — решительно заявила девушка, вскидывая голову.

Люсьен не мог не улыбнуться. Он давно забыл, когда так охотно и непосредственно улыбался.

— Бойтесь, что я задеру вам юбки и сделаю свое черное дело?

— Про вас говорят всякое, — ответила мисс Галлант, краснея.

— Что за радость в обладании бесчувственным телом? — Люсьен пожал плечами. — Ну так вы отказываетесь от места, или все-таки обсудим жалованье? Двадцать фунтов в месяц вас устроит? — Он решил, что будет поднимать цифру, пока она не согласится.

Рука ее непроизвольно сжалась, комкая рекомендательные письма.

— Но вы еще ничего обо мне не знаете...

— Так продолжим, — деловито произнес Люсьен и сделал гостеприимный жест. — Хотя тут вы совершенно не правы.

Мисс Галлант села на самый край стула — очевидно, чтобы в случае чего поскорее сбежать.

— Что же вы знаете, милорд?

— К примеру, цвет ваших чудесных глаз.

— Какое отношение это имеет к моей работе? — Она насторожилась.

— Порой они кажутся совсем зелеными, а порой почти серыми... с голубоватым отливом. Не изумруд, нет... думаю, бирюза!

— Как я вижу, милорд, вы большой знаток полезных ископаемых. — Мисс Галлант принялась тщательно расправлять крученный собачий поводок. — Не лучше ли перейти к моим будущим обязанностям?

— А вот волосы у вас цвета червонного золота, — невозмутимо продолжал Люсьен. — Когда день уже на исходе, солнечный свет обретает этот чарующий оттенок. Сравнение избитое, но верное.

— И все же мои обязанности...

— Ну хорошо, хорошо! — Он протянул руку, и девушка, чуть помедлив, вложила в нее рекомендации. — Вышло так, что мои тетка и кузина временно перебрались в этот дом. — Люсьен полистал бумаги, не вчитываясь в содержание. — Повторяю, вре-